

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолженіе).

V. Иуда—экономъ. Во второй разъ, уже незадолго до измѣны, Иоаннъ Богословъ упоминаетъ объ Иудѣ въ повѣствованіи о помазаніи Господа Марією на вечери въ Виваніи (Ин. 12, 1—8). По выразительному показанію Евангелиста, эта вечеря была за шесть дней до пасхи, наканунѣ торжественной встрѣчи Христа народомъ въ Иерусалимѣ (12, 1 ср. 12). Поэтому помѣщеніе разсказа объ этой вечерѣ у Мѳ. 26, 8 послѣ словъ Христа о преданіи Его на распятіе, сказанныхъ за два дня до пасхи (ст. 1—3), и послѣ рѣшенія синедріона взять и убить Христа,— надо признать не хронологическимъ, а прагматико-логическимъ, что нерѣдкость у Матѳея, т. е. по идейной связи этой вечери или съ словами Господа о предстоящей Ему на пасхѣ смерти, или же съ рѣшеніемъ Иуды предать Христа архіереямъ. Маркъ, какъ обычно, слѣдуетъ порядку типа Матѳеева изложенія 14, 1 сл., а Лука совсѣмъ опускаетъ это событіе.

Вечеря происходила въ домѣ жителя Виваніи Симона прокаженнаго ¹⁾. По Матѳею и Марку, одна женщина съ драгоценною мастью въ алобастровомъ дорогомъ сосудѣ подошла ко Иисусу и вылила ее на голову Его, когда Онъ возлежалъ

¹⁾ Предположеніе, будто это былъ названный такъ у Иоанна по многимъ спискамъ (см. выше § II) отецъ Иуды Искариота, свидѣтельствуетъ только о томъ, что тамъ, гдѣ невозможно оригинальничать умно, при желаніи оригинальничать во что бы то ни стало, приходится оригинальничать странно. Иоаннъ конечно не опустилъ бы этого, если онъ явно пользуется всякимъ случаемъ для указанія всего, что стояло въ прямой или косвенной связи съ личностью предателя.

за вечерю. При видѣ этого ученики вознегодовали (Мк: были же *нѣкоторые* негодовавшіе—*ἀρρισκτεῖν*=*ἀρῆσιν ἄρῆσιν*—пришли въ сильное возбужденіе, взволновались), конечно на женщину, какъ видно изъ словъ Господа, и говорили: на что трата эта? можно вѣдь было это продать задорого и дать нищимъ. Кромѣ того Маркъ сообщаетъ: это былъ *народъ* чистый,—женщина разбила драгоценный сосудъ ¹⁾,—негодовали „*промежь себя*“ или „*въ себѣ самиахъ*“ (*πρὸς ἑαυτοῦς*) только „*нѣкоторые*“ (*τινές*, но код. D, лат. a и нѣк. какъ у Мѧ. „ученики“),—драгоценная мазь стоила болѣе трехсотъ динаривъ ²⁾,—негодованіе на женщину было очень сильное и, въ концѣ концовъ, заявлялось громко (*καὶ ἐνεβριμούντο αὐτῇ*). Узнавъ же Иисусъ (ученики говорили между собою и къ женщинѣ), сказалъ имъ: (Мк: оставьте ее) зачѣмъ смущеніе (препятствіе, затрудненія—*κόπος*) доставляете женщинѣ? дѣло прекрасное совершила для Меня (*εἰς ἐμέ*—въ отношеніи Меня, Мк. *ἐν ἐμοί*—на Мнѣ),—всегда нищихъ имѣете съ собою (Мк приб: и когда хотите, можете благотворить), Меня же не всегда имѣете,—возливъ миро это (мазь эту) на тѣло Мое, она къ погребенію Меня приготовила (Мк: что могла, сдѣлала,—предварила намаститъ Мое тѣло къ погребенію),—вѣрно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что сдѣлала она, въ память ея.

Евангелистъ Іоаннъ прибавляетъ нѣсколько новыхъ дополнительныхъ къ предшествующимъ сообщеніямъ свѣдѣній, ближе уясняющихъ событіе и его смыслъ. Было это не за два, а за шесть дней до пасхи, наканунѣ торжественной встрѣчи Господа народомъ, въ Вифаніи, гдѣ устроили Ему вечерю (Евангелистъ не называетъ хозяевъ дома), на коей недавно воскресенный Лазарь былъ однимъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ, одна изъ его сестеръ, какъ и прежде (Лук. 10, 40), служила за вечерю и занималась по хозяйству, а другая его сестра Марія и теперь избрала благую часть (Лук. 10, 42) и, взявъ литру (фунтъ) мира нардоваго (масти

¹⁾ Драгоценное благовоніе наглухо закупоривалось въ сосудѣ, такъ что надо было отколотить шейку сосуда. Plin. Hist. Nat. 13. 3, 4.

²⁾ Опредѣленіе стоимости масти вѣроятно принадлежало эконому Іудѣ: ср. Ін. 12, 4 сл.

изъ нарда), настоящаго, драгоценнаго, намастила ноги Иисуса и вытерла ихъ волосами своими, причеъ домъ наполнился благоуханіемъ отъ масти. Говоритъ же Иуда Искаріотъ, одинъ изъ учениковъ Его, имѣвшій (долженствовавшій) Его предать: почему эта мазь не продана за триста динаріевъ и не дана (эта сумма) нищимъ? Сказалъ же это, замѣчаетъ Евангелистъ, не потому, что о нищихъ была забота у него (буквально: заботилось, печалилось, пеклось ему), но потому, что воръ былъ и, имѣя ящикъ (денежный, кружку), влагаемое (подаванія денежныя) носилъ (*εβασταζεν*) ¹⁾. Но Господь сказалъ на это: оставь ²⁾ ее, пусть (до дня) на день погребенія Моего сохранить (останется, сбережется) это ³⁾,—нищихъ вѣдь всегда имѣете съ собою, Меня же не всегда имѣете ⁴⁾.

Это *ἄφεσ* (тѣмъ болѣе *ἄφετε*), переходящее потомъ въ *ἔχετε* въ отвѣтъ Господа, даетъ видѣть, что и у Іоанна отнюдь не исключено недоумѣніе или ропотъ или даже негодованіе „учениковъ“ или „нѣкоторыхъ изъ нихъ“. Но въ этомъ ропотѣ учениковъ вообще и безлично Іоаннъ Богословъ желаетъ отгѣнить именно негодованіе Иуды Искаріота, отличавшееся совсѣмъ инымъ характеромъ и изникавшее изъ другихъ побужденій, чѣмъ недоумѣніе прочихъ учениковъ.

Событіе это со всею ясностію открыло противоположность въ отношеніяхъ къ Богочеловѣку со стороны духа и плоти.

Съ одной стороны Марія, тратящая „что имѣла“ на драгоценную мазь для Того, Кто имѣлъ глаголы жизни—эту,

¹⁾ Но нѣк. толкуютъ: уносишь, вороваль—нѣк. лат. саг. эв. Авг. In Iohan. tr 50, 9 Bened. Par. 2-a, t. 3. p. 2. col. 2183. portabat et exportabat. какъ и Ориг. Новнъ, Теоф. ср. Мѳ. 8, 17; Ів. 20, 15.

²⁾ *ἄφεσ* больш. автор. и Сир. син.,—но а. г. vg. sah. aeth ro. Злат. 8, 449, Амвр. Psal. 40, 868 *ἄφετε*—sinite, dimittite, ср. Gaud. 13, 964: sine eam sive simile, utrumque enim et in graecis et latinis exemplaribus invenitur, sed magis congruere videtur sensui cum legitur sinite, propter illa, quae pluraliter subsequuntur у Tisch.,—Слав. Мар. Мир. Зогр. Остр. Гал. не дѣй, Асс. Сав. Панд: не дѣйте, Ал: остави.

³⁾ *ἴνα*—т. р. ѿ *ἴνα* NBD др. слав. да въ день—сзблюдеть ю Асс. Савв. Зогр. Гал. Ннк., да къ день—Мир., безъ да Остром. остави ю въ день погребенія моего сблюсти се Ал.,—др. безъ *ἴνα* имѣють *τετήρηκεν* А др. Слав. Мар: не дѣй ю, въ день погребенія моего сзблуде ю.

⁴⁾ Эти слова т. е. весь 8-й ст. опущ. въ D и Сир. син., а А кончаетъ *ἔχετε*, а дальн. съ *μεθ' ἐ...* не имѣеть.

единую на потребу и неотъемлемую, часть благую. Въ поступкѣ Маріи мы видимъ выраженіе *поэзіи* любви, безкорыстный даръ преданной до самоотверженія души, возвышенный порывъ охваченнаго восторгомъ чистой любви сердца. Она совершаетъ то же, что дѣлають люди, выражающіе восторгъ и поэзію своей любви въ прекрасныхъ эстетическихъ формахъ—великолѣпнаго храма, монумента, картины, статуи, музыки и под. При отсутствіи живописнаго, скульптурнаго, а отчасти даже и архитектурнаго искусствъ, у евреевъ тѣмъ бѣльшее эстетическое значеніе имѣли музыка и чувство благовопія, какъ бы возмѣщавшія недостатокъ эстетическаго наслажденія живописью и скульптурою. Марія, говоритъ Господь, и „сдѣлала“ именно это „прекрасное дѣло—*καλὸν ἔργον*“, а не нравственно-*доброе*—*ἀγαθόν*. Ея поступокъ должно разсматривать не съ точки зрѣнія *блага* или *добра*—*τὸ ἀγαθόν*, а съ точки зрѣнія *эстетики* или *прекраснаго*—*τὸ καλόν*. Поэзія ея любви къ Богочеловѣку и Его идеаламъ, увлеченіе ея Его глаголами вѣчной жизни и единымъ на потребу выразились именно въ этомъ „прекрасномъ дѣлѣ—*καλὸν ἔργον*“, въ эстетикѣ намащенія Владыки вѣчной жизни драгоценнымъ и настоящимъ народнымъ миромъ, наполнившимъ весь домъ благовопіемъ.

Съ другой стороны опять та же Марѳа, заботящаяся о многомъ по домохозяйству и негодующая на Марію за то, что она, истративъ „что имѣла“ на драгоценное миро и избравъ единую на потребу благую часть, у намащенныхъ и отертыхъ власами ногъ Учителя слушала Его глаголы вѣчной жизни. Только мѣсто Марѳы теперь заступаютъ „ученики“ или „нѣкоторые“ изъ учениковъ. — Нельзя носить съ собою ни мѣшковъ, ни денегъ, — надо продать имѣнія и отдать нищимъ,—должно оставить семью—отца, мать, жену, дѣтей... А тутъ болѣе трехсотъ динаріевъ,—цѣлая годовая ¹⁾ плата (Мѳ. 20, 2) поденщика, на такую бесполезную роскошь, какъ намащеніе головы и ногъ, умѣстную развѣ только для носящихъ мягкія одежды въ царскихъ дворцахъ (Мѳ. 11, 8) 2).

¹⁾ Ср. Лук. 10, 35 — два динарія за уходъ и содержаніе большого самарянина содержателемъ гостиницы.

²⁾ По Плинію фунтъ драгоценной масти стоить болѣе 400 динаріевъ Hist. Nat. 13, 3, 4. У Грековъ, Римлянъ и Персовъ было распространено

Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь вполне естественное въ тогдашнемъ положеніи учениковъ столкновение Маренна разсудка съ Маріинымъ сердцемъ,—практичности съ поэзіей,—сухой разсчетливости съ потребностями чувства,—идеализма и поэіи съ прозою реализма и утилитаризма. Великолѣпный ли храмъ, музей изящныхъ искусствъ, художественный памятникъ,—или богодѣльня для убогихъ, домъ призрѣнія для безпріютныхъ, столовая для нищихъ? Изъ-за хлѣба ли только долженъ жить человѣкъ, или изъ-за глаголовъ (идеаловъ духа), исходящихъ изъ устъ Божіихъ?

Отвѣтъ Господа съ безусловною правдою и навсегда утвер-

намашеніе какъ роскошь. (Аристоф. Осы 605 сл. Plat. Resp. 3, 97; Martial. ep. 10, 19, 20. Petron. Sat. 65 др. ep. Wetstenii Novum Testamentum, 1, 515.—словарь Winer'a art. Gastmahl, Salbe и др. Однако уже Плиній относится неодобрительно къ этой бесполезной роскоши. „Это есть, говоритъ онъ, предметъ роскоши, изъ всѣхъ самый бесполезнѣйшій. Жемчугъ и драгоценныя камни переходятъ къ наслѣднику, одежды сохраняются долгое время, а масть улетучивается немедленно и исчезаетъ въ свое время... а фунтъ превышаетъ четыреста динаріевъ. За такую цѣну покупается чужое удовольствіе, ибо кто издаетъ запахъ, самъ не чувствуетъ“. Въ Вавил. Kethuboth 17. 6 говорится о возліаніи масти на главы раввиновъ матерью за сына при бракѣ. Но повидимому этотъ обычай былъ усвоенъ отъ Вавилонянъ (Plin. ib. 13, 1: Persae madent unguento) Вавилонскими іудеями, между тѣмъ какъ напротивъ въ Палестинѣ раввины неодобрительно относились къ этой роскоши, какъ это видно изъ словъ Іерусал. Beraschoth VIII. 8 (Schwab, I, 144—145): „Шаммай говоритъ, что благовонное масло надо держать въ лѣвой рукѣ, а чашу съ виномъ въ правой, благословеніе сначала надъ масломъ, потомъ надъ виномъ. А Гиллель говоритъ, что масло—въ правой, а вино въ лѣвой. Благословеніе говорится надъ благовоннымъ масломъ и изливаютъ изъ него на главу служащаго. Если-же служить ученикъ мудрецовъ (ученый раввинъ), то кропится на стѣну, *ибо не подобаетъ ученику мудрецовъ намащаться благовоніями* (это—обычай людей невоздержныхъ)“. Ср. Клим. Ал. Paedag. 2, 8 Pott. 1, 205: „употребленіе вѣнцовъ и мастей у насъ не необходимо, ибо приводитъ къ любострастію и похотливости, особенно при наступленіи ночи“. Однакожъ Іуда обращаетъ вниманіе не на неумѣстность обычая самого по себѣ, а смотритъ именно съ утилитарно-практической и политико-экономической точки зрѣнія на бесполезную трату значительной суммы денегъ, коими можно бы оказать помощь нищимъ. Іуда выступаетъ не столько какъ сребролюбецъ или резонеръ - моралистъ, сколько какъ политико-экономъ. Напротивъ, въ другихъ апостолахъ поступокъ Маріи вызывать недоумѣніе и ропотъ съ нравственной стороны. Вѣроятно поэтому, что и точная цифра стоимости масти (болѣе 300 динаріевъ) прѣ- надлежала эковому-Іудѣ.

ждаетъ неотразимую потребность поэзіи для человѣчества, при сухой прозаической расчетливости въ практической тратѣ пенязей. Проза вспомоществованія бѣднымъ—сама собой, а поэзія намащенія Христа и эстетика—сами собой. Всему свое. Но проза жизни изъ-за хлѣба постоянна, обыкновенна и своею назойливостію охватываетъ весь будень человѣческаго бытія. А поэзія любви и жизни изъ-за глаголь Божіихъ въ этотъ тяжелый туманъ будничной прозы прорывается только по временамъ, въ видѣ ярко сверкающей молніи, своимъ небеснымъ свѣтомъ согрѣвающей и осіявающей эту сѣрую прозу борьбы за куски поднебнаго хлѣба.

Итакъ, для роптавшихъ учениковъ Господа это было простымъ недоразумѣніемъ или непониманіемъ тѣхъ идеаловъ духа, какіе возвѣщаль и осуществлялъ въ Своемъ лицѣ Христосъ-Богочеловѣкъ,—въ частности недостаточное проникновеніе высоты потребностей духа предъ низменностию заботъ плоти. Это—тоже, что и стараніе Ап. Петра отговорить Христа отъ предстоявшихъ Ему страданій (Мѡ. 16, 22 дал.),—или непониманіе учениками необходимости страданій для Спасителя (Лук. 24, 21. 25—26) и под. Этому непониманію были болѣе или менѣе причастны тогда всѣ ученики, на что въ данномъ случаѣ и указуютъ Матѳей (ученики Его“ 26, 8) и Маркъ („нѣкоторые“ 14, 4).

Но Іоаннъ Богословъ, оставляя или предполагая (онъ писалъ свое евангеліе послѣ и въ виду евангельскаго текста, соответствующаго теперешнимъ Матѳею и Марку) это общее недоразумѣніе учениковъ Господа, по отношеніи къ Іудѣ Искаріоту лично и особо видитъ въ этомъ непониманіи нѣчто совсѣмъ иное, что и отмѣчаетъ въ своемъ повѣствованіи выразительно ¹⁾. Какъ хозяинъ или экономъ и казначей общины въ то время (ранѣе Іуда не былъ таковымъ: ср. Ін. 6, 5), закупавшій припасы и подававшій нищимъ изъ общей казны (Ін. 13, 29—30), образывавшейся изъ добровольныхъ

¹⁾ При такомъ объясненіи устраняются искусственныя толкованія древнихъ и новыхъ, какъ то: „ученики“ стоятъ синекдохически вмѣсто „Іуды“ (Іеронимъ), хотя Господь отвѣтъ свой обращаетъ къ ученикамъ а не къ одному Іудѣ, — или: ученики говорили другъ другу, а Іуда обратился прямо къ Господу (Августинъ, Теофилактъ),—или: ученики только думали про себя, а Іуда говорилъ вслухъ и под.

вносовъ самихъ учениковъ или ихъ родныхъ и другихъ сочувствовавшихъ общинѣ лицъ (Лк. 10, 3),—Иуда распоряжался деньгами общины и „быль воръ“, удовлетворяя такимъ образомъ свою страсть сребролюбія.

При чтеніи этой замѣтки Евангелиста невольно приходитъ на мысль связь нѣкоторыхъ пороковъ съ извѣстными должностями: ср. мшелоимецъ-скверностяжатель о епископахъ и діаконахъ (1 Тим. 3, 8; Тит. 1, 7—разумѣется обращеніе пастырскаго служенія Христу въ средство къ стяжаніямъ и прибыткамъ всякаго рода),—или: „пошлыхъ старушкихъ басень-сплетень отвращайся“ 1 Т. 4, 7,—или: „не дерзокъ, не гнѣвливъ“ о епископѣ, и „не двуязычны“—о діаконахъ (*ibid.*). Военно-полицейская служба въ порабощенныхъ странахъ вызываетъ гадливое чувство шпіонства, клеветничества, самоволія, насильничества, грабительства (Лук. 3, 14). Точно также и подозрѣніе въ воровствѣ—обычная судьба распорядителей общественною казною и чужими имѣніями (ср. „оклеветанъ“ или „донесено было, что расточаетъ имѣніе“ о домоправителѣ неправды Лук. 16, 1,—также наши поговорки: „прилипло“, „у огня обожжешься“, „около воды трудно не замочиться“ и под.). И это—не даромъ. Художникъ, поэтъ, философъ, ученый не позволяютъ себѣ, да и не годны будутъ нести службу экономовъ или полицейскихъ (фискаловъ). Поэтому даже и независимо отъ подозрѣнія въ воровствѣ (замѣчаніе „быль воръ“ въ отношеніи къ данному историческому времени—вечери въ Визаніи,—и ко всей общинѣ Христовой конечно могло быть только „подозрѣніемъ“,—въ противномъ случаѣ Иуда не могъ бы оставаться экономомъ общины,—подозрѣніе это, бывшее убѣжденіемъ Іоанна Богослова, потомъ оправдалось для всѣхъ апостоловъ въ сребреникахъ, взятыхъ Иудою за свое предательство), уже одно это „имѣніе денежнаго ящика“ и занятіе хозяйствомъ общины необходимо признать, вмѣстѣ съ Богословомъ, за особенно характерную для Иуды черту, выдѣлявшую его изъ ряда прочихъ одиннадцати апостоловъ. До динарїевъ ли и до ковчежца ли было тѣмъ, кто, порвавъ всѣ дорогія связи плоти и оставивъ все, безъ сумы и денегъ за поясомъ должны были ходить по городамъ и селеніямъ съ благовѣстіемъ объ открытіи новаго царства Божія—блаженныхъ, нищихъ духомъ (и конечно плотію), плачущихъ,

кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистосердечныхъ, миротворцевъ, гонимыхъ до смерти за правду царства Божія. Эта грошевая расчетливость Іуды надъ тремя стами динаріевъ и его попеченіе о многомъ при единомъ на потребу („ищите прежде царства Божія и правды его, и это все приложится вамъ“ Мѡ. 6, 33) открываютъ въ немъ не „духъ животворящъ“, а мертвую „ничего незначащую плоть“ (Ин. 6, 63). А это даетъ возможность заключать, что все время слѣдованія за Христомъ Іуда твердо стоялъ на почвѣ общеіудейской національной плотяности, материалистическаго утилитаризма, вождельній вѣшне-политическихъ и социалистическихъ, а не ожиданій нравственнаго перерожденія и осуществленія идеаловъ духа. Жизнь не изъ-за глагола Божія, а изъ-за хлѣба только,—не любовь и блаженство правды Божіей, а кормленіе голодныхъ, благоденствіе всѣхъ, Соломоновы шатры и золото равноцѣнное камню,—не поэзія жизни, духа и любви, а проза смерти, плоти, сухого экономическаго расчета,—мамона и золотой чувственный тѣлецъ, а не Богъ-Отецъ, Сынъ, Духъ, Богъ—вѣра, надежда, любовь. Очевидно, если Іуда не оставлялъ доселѣ Христа, то до послѣдней минуты своей измѣны онъ, подобно лжеученикамъ и невѣрамъ или лжевѣрамъ (Ин. 2, 23—25; 6, 26—60. 66 др.), ждалъ отъ Назаретскаго Чудотворца торжественнаго открытія царства мамона и плоти,—хотѣлъ найти въ Немъ того политическаго и социальнаго Мессію, какого ждалъ іудейскій народъ.

Эта „ничего не значущая“ плоть и содѣлала Іуду Искаріота изъ апостола діаволомъ, изъ ученика измѣнникомъ, изъ друга предателемъ Господа. Кормленіе нищихъ и поэзія любви или хлѣбъ и глаголъ Божій остались непонятными и несовмѣстимыми противоположностями для этой грубо-чувственной и сухой прозаическагой природы. Іуда остался резонеромъ-экономомъ, видящимъ только противорѣчіе между одобреніемъ со стороны Христа жертвы любви Маріиною и ученіемъ Его о раздаяніи имѣній нищимъ. Дѣла любви и расчета несовмѣстимы въ такихъ одностороннихъ и дебелихъ характерахъ, какъ будто все—въ нищихъ самихъ по себѣ и въ раздачѣ имъ имѣнія, а не въ очищеніи сердца, возрожденіи духа и новотвореніи по образу совершенства Христа Богочеловѣка.

Окончательно убѣдившись наконецъ въ полной противоположности идеала Христова съ своими національно-политическими и плотяно-эгоистическими вождельніями, Іуда идетъ туда, гдѣ были очагъ и гнѣздо всѣхъ этихъ утопій,—къ стolicнымъ архіереямъ, и предаетъ имъ „Кровь Невинную“.

VI. Іуда — измѣнникъ. Въ заботахъ сохранить свое существованіе отъ революціи народа, провозгласившаго Назаретскому Учителю: „осанна Сыну Давидову, благословенъ грядущій во имя Господне царь Израилевъ“,—іерусалимскій синедріонъ изъ старѣйшинъ-аристократовъ народа и ученыхъ книжниковъ - фарисеевъ во главѣ съ двумя архіереями—Ананой и Каиафою, не задолго до Пасхи („приближалась пасха“ Лк. „за два дня до пасхи“ Мѳ. и Мк.) окончательно рѣшилъ во что бы ни стало коварствомъ взять Господа и предать смертной казни, только не на праздникъ, а послѣ, изъ трусости предъ народнымъ возмущеніемъ (Мѳ. 26, 3—5 Мк. 14, 1—2 Лк. 22, 1—2). Но одинъ человекъ неожиданно измѣнилъ этотъ планъ и ускорилъ развязку. То былъ Іуда Искаріотъ, изъ числа Двѣнадцати апостоловъ, ближайшій ученикъ и другъ-товарищъ (*ἑταῖρος* Мѳ. 26, 50) Господа, какъ прочіе Двѣнадцать.

„Тогда“, т. е. послѣ Виаанской вечери и синедріонскаго рѣшенія казнить Христа смертію (не непосредственно вслѣдъ за вечерею, но спустя четыре дня, такъ что это „тогда“ выражаетъ болѣе прагматическую и причинную, чѣмъ точную хронологическую связь событій), когда для Іуды уже со всею ясностію раскрылась противоположность между его месіанско-іудаистическими вождельніями и идеалами Христа, а синедріонъ уже окончательно рѣшилъ кровавую развязку съ Назаретскимъ „Сыномъ Давида и Царемъ Израилевымъ“,— „тогда“, повѣствуетъ евангелистъ Матѳеи, „одинъ изъ Двѣнадцати, называемый Іудою Искаріотомъ, пошелъ къ архіереямъ и сказалъ: что хотите (намѣрены) мнѣ ¹⁾ дать, и я вамъ предамъ Его? Они же постановили ему тридцать сребренниковъ (8BA с і др. мн. LXX Зах. 11, 12, но D a b и нѣк. *στατήρας* или 1. h *στ. ἀργυρίων*). И оттолѣ искалъ случая, чтобы Его предать“ (Мѳ. 26, 14—16).

¹⁾ Сир. син. у Мерх'а нѣтъ „мнѣ“, а въ изданіи Bensly-Harris Burkitt'a 14—16 стихи помѣчены звѣздочками.

Маркъ даетъ нѣсколько дополненій. „И Іуда Искаріотъ, одинъ изъ Двѣнадцати, ушелъ къ архіереямъ, чтобы Его предать имъ. Они же, услышавъ, обрадовались и обѣщались ему денегъ (*ἀργύριον*—*ABCD* др. Ит Вг *resuniam*,—или *сребренниковъ*—*ἀργύρια* А др. нѣк.) дать. И искалъ, какъ Его благовременно (при удобномъ случаѣ) предать“. Опуская Матѳеево *τότε*, Маркъ такимъ образомъ устраняетъ кажущуюся непосредственную хронологическую связь Іудиной измѣны съ Виѳанскою вечерею и даетъ возможность нѣкоторому промежутку времени (четыре дня, по Іоанну) между обоими событіями. Далѣе: Маркъ опускаетъ, что самъ Іуда, и притомъ прежде всего, потребовалъ отъ архіереевъ денежной награды и точныхъ свѣдѣній о ея размѣрѣ,—Іуда ушелъ къ архіереямъ для того (это первая, главная и единственная цѣль), „чтобы Его предать имъ“,—а деньги были только еще обѣщаны и уже самими архіереями въ награду, притомъ безъ всякаго обозначенія суммы. Наконецъ Маркъ выставляетъ на видъ объ архіереяхъ само собою предполагающееся въ нихъ „обрадовались“ (Мк. 14, 10—11).

Лука (22, 3—6) излагаетъ дѣло такъ: „Вошелъ сатана въ Іуду, называемаго Искаріотомъ, бывшаго изъ числа Двѣнадцати. И онъ ушелъ и сговорился съ архіереями (С и нѣк. а. в. с. е др. Сир. кур. син. пеш. геракл. Эѳ. и нѣк. приб: „и книжниками“—) и стратегами (вождями или начальниками стражи.—D. а. в. с. е. др. нѣк. Сир. кур. и син. Эѳ. оп., а С и нѣк. Сир. пеш. и геракл. приб: *τοῦ ἱεροῦ*—„храма“) о томъ, какъ имъ предать Его. И обрадовались (нѣк. опускаютъ) и положили ему денегъ (*ἀργύριον* *ABD* др. мн. *resuniam* Ит Вг Копт *argentum*,—др. *сребренники*—*ἀργύρια* АС др. ср. къ Мк. Эѳ. „тридцать сребренниковъ“ какъ Мѳ.). И онъ исповѣдался (*ἔβη* *ABD* др. мн. е. f. Вг. Копт. Сир. всѣ кромѣ син., но *н** С и нѣк. а. в. с. сир. син. и нѣк. др. опускаютъ), и искалъ (Сир син по *Merx'u* „и они искали для него случая“... Но *Bensly—Harris—Burkitt* помѣч. звѣздочками) случая предать Его безъ народа имъ (*имъ*—опуск D. а. е. Вг. и нѣк.)“. Лука не только не ставитъ въ непосредственную хронологическую связь съ Виѳанскою вечерею измѣну Іуды, какъ и Маркъ, но и, опустивъ эту вечерю, хронологически прямо соединяетъ Іудино предательство съ синедрионскимъ рѣшеніемъ о смерти Господа, бывшимъ не задолго (*ἰγγύσειν*

ὁ δὲ ἢ ἐορτῇ τῶν ἁζύμων) до праздника опрѣсноковъ, называемымъ пасхою (22, 1—2). Какъ и Маркъ, Лука не указываетъ въ деньгахъ главнаго мотива Іудиноѣ измѣны, ибо Искаріотъ ушелъ къ архіереямъ и вождямъ (и книжникамъ) не за тѣмъ, чтобы справляться у нихъ о суммѣ денежной награды за преданіе Господа, но чтобы сговориться о томъ, „какъ имъ предать Его“, послѣ чего уже сами архіереи, обрадовавшись, положили дать предателю денежную награду неизвѣстныхъ размѣровъ, причѣмъ евангелистъ не даетъ никакихъ указаній на отношеніе предателя къ этой наградѣ. Кромѣ того евангелистъ Лука даетъ два весьма важныя поясненія къ опредѣленію душевнаго состоянія Іуды въ моментъ предательства. *Первое:* „сатана вошелъ въ Іуду“, чѣмъ указывается на духа зла, какъ на главнаго виновника Іудина злодѣяства (ср. Ін. 13, 2. 27), и на предателя, какъ на „сына погибели“, сына зла, тьмы, смерти и невѣрія, коимъ противоположность представляютъ въ евангеліи Іоанна чада Божіи, сыны свѣта, добра, жизни и вѣры. *Второе:* Іуда „исповѣдался—ἐξομολόγησεν“ (код. D *ομολόγησεν*, мн. опуск. ср. выше), по словоупотребленію Новаго Завѣта означаетъ: „раскающаяся (въ своемъ увлеченіи Назаретскимъ Учителемъ), исповѣдалъ или призналъ свое единомысліе съ архіереями и спедріономъ, призналъ ихняго національно-іудейскаго Мессію, а Христа объявилъ за лжемессію ¹⁾. Наконецъ Лука

¹⁾ Мѡ. 3, 16 Мк. 1, 5 Ік. 5, 16 — исповѣдывать, признавать, открывать грѣхи свои. Дн. 19, 18 парал. съ ἀναγγέλλειν—возвѣщать дѣла свои.—Мѡ. 11, 25 Лк. 10, 21—признаваться, говорить предъ кѣмъ открыто, наконецъ изъ LXX Рм. 14, 11 и 15, 9 и Филип. 2, 11: высказывать, исповѣдывать вѣру свою. Такое же очевидно значеніе глаголь долженъ имѣть и у Лк. 22, 6—при всякомъ другомъ значеніи мы имѣли бы здѣсь единственное и ничѣмъ необъяснимое отступленіе отъ обычнаго словоупотребленія. Притомъ значеніе: „согласился“ дѣлало бы этотъ глаголь излишнимъ послѣ *συνελάλησεν*, πῶς παραδῆ. Ощущеніе глагола во многихъ текстахъ объясняется казавшимся: или неудобствомъ значенія „исповѣдался“, или ненужностью глагола при его значеніи „согласился“ послѣ *συνελάλησεν* и др. Древнесл. *исповѣдѣ* Мар. Загр. Гал. Ник., *исповѣда* Мир. Ал. *объщания* Юр. Мст. Тип. Добр. Сим. (по Амф.)—въ Ев. XV в. А 1 у Амф. вѣтъ. Тепер: *исповѣда* съ выноскою Кіев. 1788: *объщася*. Поучительно также сравнить употребленіе *ὁμολογεῖν* и *ἑμολογία*. Изъ 23 разъ глаголь *ὁμολογεῖν* однажды употребленъ въ значеніи открывать или признавать грѣхи (1 Ін. 1, 9), дважды — общаться, соглашаться (Мѡ. 14, 7; Дн. 7, 17), четырежды—признаваться, признавать (Мѡ. 7, 23 Ін. 1, 20 Дн. 24, 14 Евр.

выразительно указывает на предполагающийся и у Маттея и Марка уговоръ Иуды съ архіереями о преданіи Иисуса „безъ народа“.

Іоаннъ совсѣмъ опускаетъ эти предварительные уговоры предателя съ архіереями. Было бы однакожь безосновательно отрицать по этой причинѣ достовѣрность синоптическихъ извѣстій объ этомъ уговорѣ и утверждать, что мысль и рѣшеніе предать Господа впервые зародились въ Иудѣ только на тайной вечерѣ. Напротивъ, слова Господа: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ (Ін. 13, 27) и замѣчаніе Евангелиста: „когда диаволь уже вложилъ въ сердце Иуды предать Его“ (13, 2) предполагаютъ переговоры Иуды съ синедриономъ о преданіи Господа ранѣ тайной вечера. По обычаю, Іоаннъ предполагаетъ многія подробности уже извѣстными читателю изъ раннѣйшихъ евангелій, иначе было бы совсѣмъ неожиданно и непонятно сообщеніе 18, 3: „Итакъ, Иуда, взявъ отрядъ (воиновъ) и слугъ отъ архіереевъ и фарисеевъ, приходитъ туда съ факелами и свѣтильниками и оружіемъ“ (ср. подобное же о крещеніи Господа 1, 32—34; 4, 43—45,—объ избраніи Двѣнадцати апостоловъ 6, 70,—о Маріи 11, 2,—объ установленіи евхаристіи 13, 1 сл. и др. мн). Очевидно у Іоанна Богослова предполагается постепенный и длительный процессъ въ дѣлѣ измѣны Иудиной. Сначала диаволь вложилъ въ сердце Иуды мысль предать Господа, и Иуда идетъ

11, 13) и 16 разъ въ значеніи именно *исповѣданія вѣры* (Мо. 10, 32 Лк. 12, 8 Ін. 9, 22; 12, 42 Дн. 23, 8 Рм. 10, 9, 10; 1 Тим. 6, 12 Тит. 1, 16 Евр. 13, 15; 1 Ін. 2, 23,—4, 2. 3. 15,—2 Ін. 7 Апок. 3, 5,— и *биологія* всегда (6 разъ) только въ значеніи исповѣданія вѣры (2 Кор. 9, 13; 1 Тим. 6, 12. 13. Евр. 3, 1,—4, 14,—10, 23. Въ такомъ же значеніи можетъ быть надо принимать и *биологоуменіе* 1 Тим. 3, 16. Эта статистика даетъ видѣть явную склонность новозавѣтнаго языка употреблять терминъ въ особомъ значеніи—исповѣданія вѣры. Въ особенности это надо сказать о языкѣ писателя третьяго евангелія и Дѣяній. Даже *ἀπολογία* съ религиознымъ отгѣнкомъ Лук. 2, 38. Также въ Ветхомъ Завѣтѣ настойчиво употребляется (119 разъ) съ религиознымъ значеніемъ, соответственно евр. אָמוּנָה, халд. אָמוּנָה евр. אָמוּנָה в אָמוּנָה (См. по конкорданціи Hatch'a и Redpath'a). Употребленіе термина у греческихъ писателей, кромѣ Paspow'a bearb. v. Rost cet., Liddell-Scott'a и Stephanus'a, ср. еще у Cremer'a *Biblich-Theologisches Wörterbuch des Neutest. Gräcität*, 9-te Auf. s. 659—661 (особенно для Иосифа Флавія).—для папирусовъ (всегда въ значеніи договора, условія) ср. *The Oxyrinchus Papyri ed. by Grenfell and Hunt, no indices 1, 351 и 2, 278*

къ архіереямъ и уговаривается съ ними о способѣ предательства. Потомъ діаволь овладѣлъ не только мыслию, но и волею Іуды, всѣмъ его существомъ,—и, послѣ поданнаго ему Господомъ на тайной вечерѣ куска, окончательно вошелъ въ Іуду, и тогда уже предатель идетъ за стражею для взятія Христа ночью въ Геосиманской рошѣ (13, 26—30).

Къ этому текстуальному изложенію евангельскихъ сообщеній можемъ дать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

По синоптикамъ предательство Іуды и его уговоръ съ архіереями совершались *послѣ Виванской вечери*, происходившей по Іоанну *за шесть дней до пасхи*,—и *послѣ синедрионскаго рѣшенія о смертной казни Господа*, бывшаго по Маттею и Марку *за два дня до праздника* (по Лукѣ „приблизился праздникъ опрѣсноковъ“),—*но ранѣе того утра, когда Господь послалъ Своихъ учениковъ изъ Виваніи въ Іерусалимъ съ порученіемъ приготовить пасху*, то-есть перваго дня опрѣсноковъ или 14-го Нисана. Такимъ образомъ уговоръ Іуды съ архіереями и начальниками могъ происходить только *въ ночь: или съ 12 на 13-е Нисана*, если тайную вечерю относить на 13-е Нисана, т. е. за день до дня пасхальной вечери (тогда въ выраженіи Іоан. 13, 1: „прежде праздника пасхи“ подъ праздникомъ надо разумѣть пасху въ смыслѣ недѣльнаго праздника), или съ 13-го на 14-е Нисана, если тайную вечерю считать праздничною пасхальною, согласно показанію синоптиковъ и при толкованіи Іоаннова выраженія „прежде праздника пасхи“ въ смыслѣ указанія на пасхальную вечерю или на пасху, какъ часть дня, т. е. до того момента или часа, когда начиналась пасхальная вечеря (ср. Лук. 22, 13), что предпочтительнѣе ¹⁾. Косвенное указаніе на ночное время находимъ у Маттея и Марка, сообщающихъ о предательствѣ вслѣдъ за Виванскою вечерею. Правда, вечеря эта, какъ мы знаемъ уже, происходила ранѣе, за четыре дня до предательства и за шесть до пасхи, почему Маттеей и Маркъ, надо полагать, излагаютъ оба эти событія не по непосредственной ихъ внѣшне-хронологической послѣдовательности, а по внутренне-прагматической и психологической связи предательства Іудина съ Виванскою вечерею. Однакожъ рассказъ о преданіи послѣ именно ве-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ § VII.

чери Вифанской у обоихъ евангелистовъ позволяетъ усматривать тутъ и нѣкоторую вѣдше-хронологическую связь предательства именно съ одной изъ Вифанскихъ вечереи, бывшей послѣ вечера намащенія, но предшествовавшей тайной вечери. На это намекають выраженія: *πορευθεὶς ἀπὸ τῆς βραχέως*—ушелъ съ вечера, изъ Вифаніи въ Иерусалимъ,—удалился изъ общества Христа и Его апостоловъ. Да и само дѣло требовало ночнаго прикрытія (Ин. 3, 20—21). Иуда шелъ уговариваться съ архіереями о тайномъ, безъ народа, захватѣ Иисуса,—для сего требовалась крайняя осторожность,—днемъ Иуду могли замѣтить, и замыселъ могъ разстроиться.

Иуда конечно зналъ синедріонское постановленіе (архіереевъ и фарисеевъ), еще до Вифанской вечери объявленное во всеобщее свѣдѣніе, что „если кто узнаетъ, гдѣ Онъ,—пусть укажетъ, чтобы имъ взять Его“ (Ин 11, 57). Очевидно увѣренный въ томъ, что народъ не организованъ для оказанія серьезныхъ противодѣйствій синедріону, а Самъ Предаваемый не въ силахъ противостоять архіерейской власти, опиравшейся на римскія войска,—окончательно разочарованный въ мессіанствѣ Назаретскаго Учителя,—Иуда идетъ къ архіереямъ, въ рукахъ коихъ былъ законъ, храмъ, богослуженіе, жертвы, вся душа и все тѣло иудаизма.

Подъ этими „*ἀρχιερεῖς*“ надо разумѣть членовъ синедріона изъ первосвященническаго рода, ближайшимъ образомъ тогдашняго дѣйствительнаго первосвященника Каиафу и его тестя, бывшаго первосвященникомъ и теперь устраненнаго отъ должности, Анана. Это были въ то время вліятельнѣйшіе члены синедріона, они стояли во главѣ всего іудейскаго культа, отъ нихъ главнымъ образомъ зависѣлъ приговоръ синедріона.

Евангелистъ Лука кромѣ того называетъ еще „стратеговъ“—начальниковъ надъ священническими и левитскими стражами (Ляйтфуть и др.), изъ коихъ по Middoth 1, 1 для первыхъ были назначены три мѣста въ храмовыхъ постройкахъ, а для вторыхъ—двадцать одно. Главный начальникъ надъ всѣми стражами назывался „мужъ горы дома“, т. е. храмовой горы— *isch—har—habbaith* (Schekalim 5 с. и Tamid 1, 1; Middoth 1, 2), *στρατηγὸς τοῦ ἱεροῦ* Ant. 20, 9. 3,—Bell. 2,

17. 2,—6, 5. 3. Въ Дѣянїяхъ 4, 1 *ὁ στρατηγὸς τοῦ ἱεροῦ* названъ между *ἀρχιερεῖς* (др. чт. *ἱερεῖς*) и *οἱ σαβδουκαῖοι* (очевидно священники) какъ важное въ іерусалимской администраціи лицо. Въ Дн. 5, 24 онъ стоитъ впереди *οἱ ἀρχιερεῖς*; и въ непосредственной связи съ синадріономъ (ст. 25—27). Дн. 5, 26 и Antiq. 6, 5. 3 онъ просто называется *στρατηγός*. По Antiq. 20, 6. 2 одинъ стратегъ по имени Ананъ вмѣстѣ съ первосвященникомъ Ананіей отсылаются Кодратомъ въ Римъ, какъ самыя вліятельныя и знатныя у іудеевъ лица. По Bell. 6, 5. 3 *οἱ τοῦ ἱεροῦ φύλακες* доносятъ *τῷ στρατηγῷ*, что мѣдныя врата храма,—кои запирались стратегомъ и коихъ ключи у него хранились,—отворились сами собою. Во 2 Макк. 3, 4 онъ называется *προστάτης τοῦ ἱεροῦ καθεσταμένους*,—3 Езр 1, 8 *οἱ ἐπιστάται τοῦ ἱεροῦ* (трое). Стратегъ принадлежалъ къ первымъ первосвященническимъ фамиліямъ (Bell. 2, 17. 2,—ср. Ant. 20, 8. 11). У него былъ секретарь (*γραμματεὺς*), который самъ также пользовался большимъ значеніемъ (Ant. 20, 9. 3),—и имѣлъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ храмомъ, надъ жертвоприношеніями, священниками (Bell. 2, 17. 2), безопасностію храма и дворовъ. Онъ былъ инспекторомъ храмовыхъ стражъ (Midd 1, 1—2),—въ нужныхъ случаяхъ онъ вызывался среди ночи стражами (*φύλακες* или *ἐπληρέται* Дн. 5, 25 Bell. 6, 5. 3),—во всякое время ночи могъ дѣлать обзоръ съ факелами и подвергать неисправныхъ стражей наказанію (Midd. ib. Bell. 4. 4. 6). Положеніе стратеговъ было такъ важно, что они могли соперничать съ первосвященниками (2 Макк. 3, 4 ср. Ant. 20. 8. 11),—въ началѣ римской войны, напримѣръ, они настояли на томъ, чтобы не принимать жертвы отъ императора (Bell. 2, 17. 2 см. Keim, 3. 310 flg. Aum 3; Lighfoot и Schoettgen соотв. м. Friedlieb, Archäologie der Leidensgeschichte, § 14,—др. въ концѣ статьи). Частные посты и стражи—*οἱ τοῦ ἱεροῦ φύλακες* Ant. 6, 5. 3 и *ἐπληρέται* Дн. 5, 26 имѣли своихъ особыхъ стратеговъ, кои всѣ находились въ вѣдѣніи *στρατηγοῦ τοῦ ἱεροῦ*. Въ Дн. 16, 20. 22 и 38 *στρατηγοί* называются вообще *ἄρχοντες* (ср. Іерем. 20, 1). Деличь въ Horae hebraicae къ Дн. 4, 1 (Zeitschrift für der gesammten Lutherischen Theologie und Kirche 1877, 1. 3) различаетъ *ὁ στρατηγὸς τοῦ ἱεροῦ* Дн. 4, 1, какъ главнаго начальника надъ храмовыми стражами, отъ просто *στρατηγοί* Лк 22, 4 и 52 какъ частныхъ начальни-

ковъ надъ привратниками, пѣвцами, надзирателями жеребевъ и др. ¹⁾).

Итакъ, подъ прикрытіемъ ночи, какъ сынъ невѣрія и мрака, ненавидящій свѣтъ и не идущій къ свѣту, но возлюбившій тьму (Ин 3, 19—21), Иуда, когда обитатели Виваніи покоились мирнымъ сномъ, чрезъ Масличную гору и Геосиманскую рощу, пробирался въ Іерусалимъ, къ храму, съ своимъ коварнымъ замысломъ тайно выдать своего Учителя архіереямъ и начальникамъ. Храмовныя ворота, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго дворовъ, въ обычное время запирались послѣ вечерней жертвы (*περὶ δειλῆς* Bell. 6, 5. 3). Но на праздникъ Пасхи священники отпирали дворъ для народа съ полуночи (Antiq. 18, 2. 2). Притомъ по требованію ворота могли отпираться и во всякое другое время, такъ какъ въ храмовыхъ дворахъ были жилища помѣщенія, или когда настояла какая-либо надобность, напр. при появленіи вѣстника о новолуніи (Keim 3, 252, Anm. 3).

Безъ особыхъ затрудненій предатель могъ во всякое время прійти къ воротамъ храма и потребовать пропуски къ архіереямъ и стратегамъ по важному дѣлу. Стражи (*φύλακες—ὄψιρέται*) вѣроятно доложили сначала своимъ (частнымъ) стратегамъ, а эти—главному стратегу храма или *мужу храмовой горы*, который не замедлилъ съестись съ тогдашними заправилами синадріона—архіереями Ананомъ и Каіафою. Дѣло было для синадріона крайне важное и неотложное. Такъ въ самое короткое время могли собраться нѣсколько наиблѣзательнѣйшихъ членовъ синадріона, жившихъ при храмѣ, съ архіереями Ананомъ и Каіафою и стратегомъ храма—во главѣ,—и составить экстренное частное засѣданіе. Искаріотъ предсталъ лицомъ къ лицу предъ главами іудейскаго народа и религіи.

По Марку и Лукѣ, мрачная радость проявилась на лицахъ архіереевъ, когда они узнали предложеніе Иуды. Замыселъ Иуды какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ архіерейскому плану и облегчалъ его исполненіе въ самомъ главномъ и вмѣстѣ

¹⁾ Разумѣть римскаго военачальника, какъ нѣкоторые древніе и новые, невозможно, ибо онъ жилъ не въ храмѣ, гдѣ жили первосвященники и стражи, а въ крѣпости Антонія Antiq. 20, 8. 11. Да Иудѣ, увлеченному національно-религіозною идеею, и не могло быть никакого дѣла до римскаго прокуратора и римскихъ солдатъ.

самомъ трудномъ—взять Иисуса тайно,—безъ излишняго шума, втихомолку—и безъ народа обдѣлать коварное дѣло. Притомъ и личность предателя, одного изъ ближайшихъ учениковъ Господа и Его друга, бросало предъ народомъ неблагоприятную тѣнь на Галилейскаго Мессію и была какъ вельзя болѣе выгодна для враговъ Христа. Иерусалимскіе дѣльцы и политиканы, конечно, не хотѣли упускать изъ рукъ такого случая очернить Христа предъ народомъ и отдѣлаться отъ Него посредствомъ казни.

При одностороннемъ толкованіи сообщаемыхъ евангелистомъ Матѳеемъ словъ Иуды можно подумать, что на первомъ планѣ у Предателя стоятъ деньги: „дать мнѣ“, а потомъ уже Онъ—Его преданіе: „предамъ Его“. Такимъ образомъ можетъ получиться только пошлый договоръ купли—продажи у Искаріота съ архіереями. Но этому не соответствуетъ уже „*καὶ ἔσθησαν*“, т. е. всецѣлая зависимость денежнаго вознагражденія отъ самихъ архіереевъ, и полное безразличіе и пассивность въ отношеніи къ суммѣ со стороны предателя. Ни малѣйшаго съ его стороны намекъ на торгашество, припрашиванье... Кромѣ того Маркъ и Лука прямо говорятъ, что цѣль Иуды была—„предать Его“, за что, въ видѣ вознагражденія и не безъ злаго умысла, уже самъ синедріонъ положилъ дать денегъ Иудѣ. Для примиренія и всесторонняго пониманія евангельскихъ извѣстій надо думать, что евангелистъ Матѳей, руководясь своими особыми соображеніями (какъ мытарь, Матѳей можетъ быть желалъ отмѣтить въ своихъ врагахъ фарисеяхъ, составлявшихъ многочисленную партію синедріона Дн 23, 6 сл. и въ отношеніи къ мамонѣ вполне согласовавшихся и съ саддукеями—архіереями, этотъ всевластный у нихъ принципъ купли—продажи, торгашества и среброслуженія), выставить на видъ именно солидарность Иуды съ синедріономъ въ отношеніи мамонослуженія, какъ одного изъ мотивовъ и предательства, чѣмъ, конечно, отнюдь не исключается возможность и наличность и другихъ вліяній и побужденій, напримѣръ утраты вѣры въ мессіанство Христа (Іоаннъ Богословъ 6, 64) или подавленности сатаною (Лук. 22, 3 Ін. 12, 2. 27), о чемъ подробная рѣчь далѣе.

Послѣ уговора съ іудею о способѣ взятія Христа (Мк и Лук), архіереи, по Матѳею „*ἔσθησαν* — поставили, постановили“

(ср. Дн. 17, 3), или, какъ Лука, „*συνέθεντο*—положили, согласно рѣшили, согласились“ (ср. Ин. 9, 22), а Маркъ еще точнѣе „*ἐπηγγείλαντο*—пообѣщались“ дать предателю денежную награду, по Матѳею въ размѣрѣ „тридцати сребренниковъ“, а по Марку и Лукѣ—вообще „денегъ“ безъ обозначенія ихъ количества. Такъ всѣ древнѣе переводы, Вульгата и Латинскіе: *constituerunt, statuerunt* Сир іер *ܘܪܩܢ* опредѣлили, пещ. *ܘܪܩܢ*. поставили, тоже Копт. Араб. Древнеслав: поставиша—Савв. Остром. Асс. Мар. Зогр. Гал. Мст. Миросл. Ник. Ал. поздн. и тепер. Но русск. синод. и новѣйшій почему-то невѣрно: „предложили“, какового значенія глаголь *ἔσθησαν* не можетъ имѣть. Глаголь *ἔσθησαν* можно конечно понимать и въ значеніи „отвѣсили“ (на вѣсахъ—*σταθμός*) или „отсчитали“. (*dederunt* въ Эѳіопскомъ у Walton'a?). До Симона Маккавея (143 г. до Р. Х.) у евреевъ не было монетъ въ видѣ денежныхъ знаковъ, золото и серебро при уплатѣ выдавалось по вѣсу. Поэтому въ имѣющихся у Матѳея въ виду (Мѳ. 27, 9) параллеляхъ Ветхаго Завѣта (Зах. 11, 12. 13; Іер. 32, 9. 10) рѣчь о платѣ должно понимать въ значеніи именно „отвѣшиванія“. А у Зах. 11, 12, откуда буквально взято Мѳ. 26, 15: *καὶ ἔσθησαν (τὸν μισθὸν μου) τριάκοντα ἀργυροῦς* у LXX соответствуетъ еврейскому *לָרַשׁׁן*, означаемому: „и отвѣсили“. (такъ Быт. 23, 46; Іова. 28, 15; Іер. 32, 9; Езр. 8, 25 ср. Быт. 43, 15 *καὶ ἔσθησαν*—*לָרַשׁׁן*—поставили на вѣсы,—Иса. 46, 6 *στίβουσαν ἐν σταθμῷ*). Но и при такомъ значеніи, въ виду *συνέθεντο* Луки и *ἐπηγγείλαντο* Марка, надо будетъ признать, что въ этомъ засѣданіи было только рѣшено (*συνέθεντο* Лк) или обѣщано (*ἐπηγγείλαντο* Мк) выдать Іудѣ денежную награду, а самая уплата ея (*ἔσθησαν* Мѳ) послѣдовала позднѣе, въ ночь самаго преданія. Евангелистъ Матѳеи въ данномъ случаѣ, какъ и вообще постоянно, соединяетъ разновременные хронологически, но прагматически тѣсно связанные моменты, въ одно событіе, не указавъ точно, когда послѣдовало это *ἔσθησαν*—теперь ли или потомъ, при взятіи Господа.

Въ сужденіи объ указанныхъ евангелистомъ Матѳеемъ *тридцати сребренникахъ-сикляхъ*, существенное значеніе имѣютъ: а) выразительное умолчаніе Марка и Луки о размѣрѣ денежной награды и б) отсутствіе у Іоанна всякихъ указаній на полученіе денегъ Іудою за свое злодѣйство, не-

смотря на выразительное замѣчаніе о немъ при разсказѣ о Виванской вечери, что онъ былъ воръ, слѣдовательно питалъ пристрастіе къ сребренникамъ. Эти соображенія могутъ давать поводъ къ предположенію, что тридцать сребренниковъ у евангелиста Матѳея имѣютъ такое же символическое значеніе, какъ и число четырнадцати родовъ въ каждой изъ трехъ эпохъ родословія Христа (1, 17). Какъ въ родословіи языкомъ цифръ Евангелистъ выражаетъ законосообразную своевременность или необходимость явленія Мессіи въ четырнадцатомъ родѣ третьей эпохи—Иисусъ Христъ, такъ и тридцатью сребренниками онъ говоритъ, что „сущій въ образѣ Божіемъ и равный Богу, но добровольно уничтожившій Себя до вочеловѣченія и принятія образа раба“ (Филипп. 2, 7 сл) получилъ именно такую же точно рабскую оцѣнку, какую и во времена пророка Захаріи евреи оцѣнивали попеченіе о себѣ Бога. Словами Захаріи пророка о ничтожно-рабской оцѣнкѣ народомъ избраннымъ отеческаго попеченія о немъ Іеговы въ тридцать сребренниковъ Евангелистъ также желаетъ указать на презрѣніе синедріона къ посланному Богомъ Его Сыну—Мессіи. Поэтому цифра тридцати сребренниковъ имѣетъ у евангелиста Матѳея такое же символическое, а не реальное значеніе, какъ и у пророка Захаріи оцѣнка народомъ избраннымъ попеченія о немъ Бога. Тамъ и здѣсь это не дѣйствительные тридцать сиклей, а указаніе только на рабскую презрительную оцѣнку любви къ іудейскому народу Бога Отца и Его Сына. Ближайшимъ поясненіемъ къ этой символикѣ можетъ служить соображеніе, что значеніе лица какъ въ Торѣ такъ и въ Мишнахъ выражается въ денежной оцѣнкѣ. Такимъ образомъ выраженіе: „этотъ стоитъ тридцать сребренниковъ“ будетъ символически значить: „онъ—рабъ, его цѣна рабская, грошевая“ (см. объ этомъ ниже).

Однакожь эта символика цифръ у евангелиста Матѳея отнюдь не исключаетъ ихъ реальности. Въ родословіи Христа Евангелистъ вовсе не произвольно ставитъ числа четырнадцати родовъ и трехъ эпохъ, но какъ эпохи являются выраженіемъ необходимыхъ законовъ жизни вообще и исторіи въ частности, такъ и число четырнадцати родовъ точно соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ первой и, надо полагать, третьей эпохи, а во второй получено не произвольно,

но по теократическому закону исключенія трехъ богоненавистныхъ родовъ язычницы и ненавистницы Іеговы—Іезавели и путемъ соединенія въ одинъ родъ постоянно смѣнявшихся царей смутной эпохи послѣ Іоакима—братьевъ Іехоніи и эпохи переселенія Вавилонскаго. Поэтому и въ исторіи предательства Іудина символика тридцати сребренниковъ отнюдь не исключаетъ, а напротивъ предлагаетъ за собою историческую дѣйствительность: синедріонъ дѣйствительно постановилъ выдать предателю тридцать сребренниковъ, ни болѣе ни менѣ,—и предатель дѣйствительно взялъ, не торгуясь, эти тридцать сребренниковъ. Предполагать болѣшую сумму будетъ противорѣчіемъ ясной и непререкаемой датѣ евангелиста Матѳея.

А это обязываетъ насъ сообщить свѣдѣнія о стоимости этой суммы.

Сребренникъ—*ἀργύριον* и *ἀργύρεος* и *ἀργυροῦς*; у LXX соответствуетъ еврейскому *קספ*—*кесеф*—серебро, употребляющемуся для означенія денегъ съ словомъ *шекел*—*שקל* (Быт. 23, 15), но чаще съ опущеніемъ послѣдняго (Быт. 20, 16; 37, 28; Іер. 32, 9; Зах. 11, 12; Ос. 3, 2). Въ Новомъ Завѣтѣ обозначаетъ еврейскую монету серебряную *сикль* (*шекел*), у LXX *σίκλος* (греч. *σίκλος*), *δίδραχμον*, *στάθμον* и *σταθμός*. Происходя отъ глагола *шакал*—*вѣсить*, слово это, до введенія монеты, означало собственно вѣсъ вообще (2 Сам. 14, 26; Іезек. 4, 10), въ частности и обычнѣе—металла (золота и серебра), металлическихъ сосудовъ и пр. (Быт. 24, 22. Исх. 38, 24 Числ. 21, 52 Іис Нав 7, 21; 1 Сам. 17, 5 7 др), какъ латинское *libra*, роман. *libra*, *livre* или *Pfund*—фунтъ (стерлинговъ).

Свою собственную монету евреи стали чеканить при Симонѣ Маккавѣѣ (1 Макк. 15, 6 ср. 13, 41 и Jos Ant. XIII, 6, 6). въ 173—174 г. селевк. эры, за 143 г. до Р. X: полные сикли и полусикли. На нихъ имѣются надписи финикійскимъ шрифтомъ на одной сторонѣ: *קספ* *ל* *ירושלם*—или *קספ* *ל* *ירושלם*—*Іерусалимъ святой*,—а на другой, смотря по вѣсу, или *קספ* *ל* *ישראל*—*сикль израилевъ* (полный сикль), или *קספ* *ל* *ישראל*—*полусикль*. Сохранились экземпляры съ первыми четырьмя годами четыре полусикля и одинъ сикль съ пятымъ годомъ (даты спорны: или правленія Симона Маккавея или Іерусалима), съ помѣтами: *א* (*א*)*ש* или *ב* или *ג* или *ד* или *ה*. Имѣются

изображенія на монетахъ чаши (стамны съ манною?) или вѣтви—пальмы или лиліи—неизвѣстно.

При опредѣленіи стоимости „сребренника“ надо имѣть въ виду, что въ новозавѣтную эпоху еврейскому сиклю—сребреннику болѣе или менѣе точно соответствовали слѣдующія, ходившія тогда въ Палестинѣ и вообще на Востокѣ, монеты: римскій динарій, финикійско-эллинистическій статуръ, аттическая тетрадрахма (или дидрахма, соответствовавшая полу-сиклю священному или обычному сиклю) и ассирійская села и семитическая зузъ.

Въ Мишнѣ часто упоминается „динарій золотой“ *בלי נזף*, соответствующій римскому „золотому—*aurus* (Maass. scheni II, 7; IV, 9; Schekal. VI, 6; Nazir V, 2; Schob. VI, 3. Meila VI 4) и по Kethub. X, 4 и Baba kamma IV равнявшійся 25 обычнымъ динаріямъ.

Но не эта рѣдкая и неходовая монета разумѣется подъ *δηνάριον*, чаще другихъ монетъ упоминаемымъ въ Новомъ Завѣтѣ (Мѡ. 18, 28; 20, 2 сл. 22, 19; Мк. 6, 37; 12, 15; 14, 5; Лк. 7, 41; 10, 35; 20, 24; Ин. 6, 7; 12, 5; Апок. 6, 6), вмѣсто обычнаго семитическаго названія зузъ—*זוז*. Этотъ серебряный и употребительнѣйшій изъ всѣхъ монетъ динарій равнялся обычной аттической драхмѣ. Поэтому считали, хотя и рѣже, и на драхмы (Лк. 15, 8 сл. Jos Vita 44, впрочемъ тутъ разумѣются драхмы Тирскаго чекана). Монеты Тирскаго (Финикійскія) чекана, также употреблявшіяся въ Сиріи и Палестинѣ, были легче Римскихъ. Въ Bell. II. 21. 2 ср. Vita 13 Юсифъ Флавій говоритъ о *τρίμισια Τέτραιον*, равнявшейся четыремъ аттическимъ драхамъ. Эта финикійская монета разумѣется подъ *δίδραχιον* у Мѡ. 17 24 ср. Jos Bell. VII, 6, 6 и *στατῆρον*—четыремъ драхамъ въ Лев. 17, 27, такъ какъ священная подать на храмъ и всѣ вообще подати въ Ветхомъ Завѣтѣ, по Мишнѣ Beshoroth VIII, 7. Переферковичъ 5, 267 и Тосефта Kethuboth XIII конецъ у Переф. 3, 175, платятся монетою Тирскою, которая есть и Иерусалимская. Опредѣленіе *τρίμισια Τέτραιον* у Флавія въ Bell. II. 21. 2 и еврейскаго сикля (*ὁ σίκλος τρίμισια ἐξάσιον*) въ Antiq. III. 8. 2 (ср. Philon. op. Mang 2, 276 и Иерон. къ Іезек. 4, 9) въ четыре аттическія драхмы (*ἀττικὰς δέχεται δραχμὰς τέσσαρας*) надо понимать какъ приблизительное только, въ противоположность слишкомъ легкимъ александрійскимъ драхамъ,—точный вѣсъ

тирской тетрадрахмы, а слѣдовательно и еврейскаго священнаго сикля, былъ нѣсколько легче аттической (Schürer, 2, 51—56), такъ что по Иерониму къ Мих. 3, 10 сикль равнялся собственно только $3\frac{1}{2}$ аттическимъ драхмамъ (20 оволамъ). У LXX оволь употребляется вмѣсто геры, такъ что вѣсъ священнаго сикля, по LXX, какъ и Иерониму, равенъ 20 герамъ—оволамъ или дидрахмѣ (Исх. 30, 13; 38, 26; Лев. 27, 25; Числ. 3, 47; Иезек. 45, 12). 3000 сиклей составляютъ *киккаръ* или *талантъ* (Исх. 38, 25 др.) Полусикль называется *бека* (Быт. 24, 22; Исх. 38, 26). Отношеніе сикля къ минѣ неясно. Въ 1 Цар. 10, 17 ср. 2 Пор. 9, 16 мина равна 100 сиклямъ, у Иезек. 45, 12—только 60, у LXX даже 50. Эта разница можетъ быть объясняется различіемъ священнаго и простаго сикля. Первый назывался שרקה שקל—*шекел гаккодеи*—священный или церковный сикль,—а второй שקל גמליש—*шекел гаммелеш*—сикль царскій, гражданскій, или שקל של חול—*шекел шелхул*—сикль ходячій, обычный, общеупотребительный, простой. Сикль священный равнялся двумъ гражданскимъ сиклямъ или полусиклямъ. А этотъ послѣдній соотвѣтствовалъ селѣ—שקל, равнявшейся двумъ колбонамъ (Schekal. 1, 6 Переф. 2, 270 пр. 5), двумъ зузамъ, финикійскою и (приблизительно) аттической дидрахмѣ (еврейскій талантъ или каккаръ=3000 сиклей, а греческій талантъ имѣлъ 6000 драхмъ, отсюда сикль=дидрахмѣ) и двумъ римскимъ динаріямъ, такъ какъ драхма во времена Христа равнялась динарію (Мѡ 22, 19, ср Мк 12, 16).

Существующіе динаріи Тиверіа имѣютъ 69,8 пар. гранъ, тетрадрахма поэтому будетъ равна 279 гранамъ. Если же считать на оволь или геры, то 20 оволовъ, составляющихъ сикль (по Иерон. и LXX), дадутъ 267 гранъ. Къ этому вѣсу подходятъ сохранившіеся сикли отъ 256 до $271\frac{3}{4}$ гранъ. Разница объясняется съ одной стороны тѣмъ, что первоначальный вѣсъ ихъ долженъ быть нѣсколько выше, а съ другою тѣмъ, что при переложении вѣса динаріевъ на дидрахмы соотвѣтствіе можетъ быть только приблизительное. Наибольше вѣроятнымъ средній вѣсъ священнаго сикля считается въ 274 грана, а простаго—137 гранъ. На теперешнюю монету священный сикль будетъ равняться около 3 слишкомъ франковъ (драхма нѣсколько менѣе франка), 2 маркамъ 62 пфеннигамъ,—а простой—1 м. 31 пф.

Стало быть синедрионъ постановилъ выдать и дѣйстви- тельно выдалъ Іудѣ денежную награду въ размѣрѣ около 90—100 франковъ и 70—78 марокъ, если принимать цер- ковные сикли, что предполагается храмовою казною (Мѣ. 27. 7), въ которую вносились только священные сикли (Мѣ. 17, 24; Іос. Ant. 18, 9. 1 Bell. 7, 6. 6; Schekalim 1, 6). Если же разумѣть, что менѣе вѣроятно, но не невозможно, про- стые сикли, то будетъ вдвое менѣе, т. е. около 50 франковъ и 37 марокъ.

Въ переложении на русскую монету по вѣсу золота полу- чимъ: 70—78 марокъ (марка=31 коп.)=21 р. 70 к.—24 р. 18 к.,—90—100 франковъ (франкъ=25 к.)=22 р. 50 к.—25 р. А по дѣйствительной стоимости 70—78 марокъ (марка= 46¹/₂ к.)=32 р. 34 к.—36 р. 3¹/₂ к.,—а 90—100 франковъ (франкъ=37¹/₂ к.)=24 р. 75 к.—37 р. 50 к. Средняя цифра 75 марокъ=34 р. 45 к. На простые сикли будетъ вдвое ме- нѣе, т. е. 17 р. 37¹/₂ к. ¹⁾

Такова приблизительно стоимость синедрионской награды за Іудину измѣну на наши деньги. Сумма во всякомъ слу- чаѣ ничтожная для нашего времени, которую нынѣшніе синедристы даже посовѣстятся предлагать современному Іудѣ, а этотъ посовѣстится и брать.

Но для ближайшаго опредѣленія цѣнности синедрионскихъ сребренниковъ надо уяснить ихъ натуральную стоимость при обращеніи ея въ покупную валюту. Для сего имѣются нѣкоторыя даты.

Въ патриархальныя времена за поле съ пещерою для гроб- ницы было залочено Авраамомъ Ефрону 400 простыхъ (Быт. 23, 16), торговыхъ, сиклей, или дидрахмъ по LXX= 524 мар. 241 р. 9 к. Такимъ образомъ уже въ такую сѣдую старину незначительное поле (ст. 15) съ удобною для погре-

¹⁾ По Schürer's Geschichte des Jüdischen Volks zum Zeit Jesu. 3-te Aufl. 1, 243,—2, 51—56. 58 Anm. 51,—254, Anm. 31 и у Riehm'a въ Hand Wörterbuch des Biblischen Alterthums,—Art. „Sikel“.—Winer's Biblisches Real wörterbuch, Artt. „Sikel“, „Geld“, „Denar.“ Другіе опредѣляютъ стои- мость въ меньшихъ размѣрахъ: 60 марокъ 85 франковъ и др. Ср. Ben- zinger въ Realencyklopädie für Prot. Theologie und Kirche, 3-te Aufl. Art. „Geld“,—Kennedy въ Hasting's Dictionary, Art. „Monney“, 761—765, прил. IV,—Vigouroux, Dictionnaire de la Bible, Art. „Argent“,—спеціальная лите- ратура указана у Schürer'a, въ § 2-мъ.

бенія пещерою, слѣдовательно на склонѣ скалистой мѣстности, цѣнится въ семь разъ дороже горшечнаго поля, купленнаго на деньги Іудиной измѣны спустя около двухъ тысячъ лѣтъ, когда деньги должны были подешевѣть въдесятеро, а предметы на столько же подорожать. Но и эта сумма считается незначительною для продавца и покупателя (ст. 15). Братья продали брошеннаго уже въ ровъ Іосифа, слѣдовательно не интересовавшаго ихъ со стороны своей стоимости, за 20 сребренниковъ („золотыхъ“ у LXX) Пзмаильтянамъ (Быт. 37, 28). Цѣна эта на 10 сребренниковъ дешевле стоимости раба и рабыни въ времена Моисея (Исх. 21, 32 ср. 30). Но надо имѣть въ виду разность времени и обстоятельствъ. Для сужденія же объ этой оцѣнкѣ надо имѣть въ виду, что въ первобытныя эпохи и у первобытныхъ народовъ чело-вѣкъ цѣнился вообще низко. При Моисеѣ овенъ оцѣнивается въ два (?) сикля серебра (Лев. 5, 15), слѣдовательно на 30 сиклей можно было купить только 15 овновъ. По Исх. 21, 32 сумма въ 30 сиклей (дидрахмъ у LXX) платится за раба и рабу, забоданныхъ воломъ. Позднѣе, въ эпоху судей, за 10 сиклей въ годъ съ одѣяніемъ и пищею былъ нанятъ Михою одинъ левитъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ у него священникомъ (Суд. 17, 10). Плата, по теперешнему, конечно, не большая въ 13 м. 10 пф. или 26 м. 20 пф. ок. 8—16 р. Но не надо забывать полнаго содержанія левита, который притомъ не былъ священникомъ. Важнѣе для насъ параллель 2 Сам. 24, 24: покупка Давидомъ гумна у Орны и воловъ для жертвы за 50 сиклей серебра=65 м. 50 пф.—131 м. или 30 р. 26 к.—60 р. 52 к. Такимъ образомъ даже при Давидѣ за тысячу лѣтъ до Христа гумно стоило много дороже 30 сиклей.

Затѣмъ, при Соломонѣ, когда, говоря гиперболическимъ языкомъ 1—3 книги Царствъ, серебро считалось за ничто и было равноцѣнно простому камню, когда заграничная египетская коляска стоила 600 сиклей, а конь—150 (10, 21, 27, 29),—за одну только аренду виноградника платилось 1000 сиклей и за его охрану сторожамъ 200 сиклей (Пѣснь Пѣсней, 8, 11—12).

Позднѣе, при Ісаи, цѣнность сикля падаетъ еще ниже: каждая виноградная лоза оцѣнивалась въ сикль и виноградникъ въ 1000 лозъ стоилъ 1000 сиклей (Иса. 7, 23).

У пророка Осін 15 сиклей и полтора хомера ячменя стоить блудница, мужняя жена (Ос. 3, 1—2): очевидно посредством цифръ здѣсь имѣемъ символическое выраженіе ничтожности и презрѣнности той, что блудила съ другими, имѣя у себя любящаго мужа.

Сравнительно меньшую цѣну даетъ пророкъ Іеремія за поле Анамеила—17 сребренниковъ (Іерем. 32, 9), но по праву родства Іереміи принадлежалъ выкупъ этого поля у своего дяди. При томъ это было время нашествія Вавилонявъ на Іудею (ст. 1—2. 15. 24. 29. 36. 43—44), когда имѣнія въ опустѣлой странѣ не могли имѣть никакой цѣнности. Какъ символъ презрѣнія со стороны избраннаго народа къ пастырскому и отеческому попеченію о немъ Бога, тридцать сребренниковъ являются у Зах. 11, 12—13: это—рабская и ничтожная цѣна, какою Іудеи оцѣниваютъ Іегову—своего Хранителя и Попечителя.

Изъ временъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ евангельской исторіи, можемъ указать на поденную плату провожатая Товіи въ одну драхму, при всемъ необходимомъ, съ обѣщаніемъ прибавки въ случаѣ благополучнаго путешествія (Тов. 5, 15—16), что вполнѣ соотвѣтствуетъ дневной платѣ рабочему въ Палестинѣ въ одинъ динарій (Мѣ. 20, 2), такъ какъ динарій равенъ драхмѣ. Соотвѣтственно этому 30 сиклей дадутъ около 120 (менѣе 120, если сикль считать равнымъ не 4, а $3\frac{1}{2}$ драхамъ) или 60 дней чернорабочаго палестинскаго. Но надо имѣть въ виду дешевизну труда въ то время, особенно просторабочаго поденщика, чтобы представить себѣ всю ничтожность этой суммы для тогдашняго времени. И въ наше время плата за дневной трудъ случайнаго рабочаго невелика, такъ что заработокъ 100—60 дней составитъ неважную сумму. Съ этимъ согласуются два динарія самарянина гостиннику на двухдневное (повидному) содержаніе за израненнаго разбойниками путника, съ обѣщаніемъ уплатить потомъ, если постоялодворецъ издержитъ что болѣе (Лук. 10, 35).

О ничтожности даннаго Іудѣ вознагражденія можно также судить потому, что Никаноръ, по извѣстію 2 Макк. 8, 10—11, для взноса дани Римлянамъ въ 2 тысячи талантовъ, рѣшилъ пополнить ее отъ плененія Іудеевъ, для чего послалъ въ приморскіе города объявленіе о продажѣ Іудеевъ въ

рабы по 90 человѣкъ за одинъ талантъ. По смыслу составителя книги это—крайне дешевая цѣна, зависѣвшая оттого, что деньги, и притомъ немалыя, надо было доставить во чтобы то ни стало и въ возможно скоромъ времени. Поэтому разсчету цѣна раба будетъ въ $33\frac{1}{3}$ сикля, что соответствуетъ оцѣнкѣ раба во времена Моисея (Исх. 2, 32) ¹⁾.

Какъ символъ рабской цѣны, независимо отъ дѣйствительной стоимости раба или рабы, тридцать сребренниковъ удостовѣряются Мишною, Арахинъ III, 3 Переф. V. 285: „Убьетъ ли волъ *красивѣйшаго изъ рабовъ или безобразнѣйшаго изъ рабовъ*, онъ (хозяинъ вола) платитъ *тридцать селаймъ* (=сиклямъ Тирскимъ или священнымъ, т. е. полнымъ ср. Бехоротъ VIII, 7 Переф. V. 267 и Кетуботъ XIII, Тосефта Переф. III, 175), — „если же онъ убилъ свободнаго, то платитъ его *дѣйствительную стоимость*“. Пояснительную параллель читаемъ въ Бава Камма IV, 5 Переф. IV, 27: „Если волъ забодаль раба или рабу, то онъ даетъ тридцать селаймъ, стоитъ ли (убитый рабъ или раба) сто минъ или только одинъ динарій“. Смыслъ ясенъ: тридцать сребренниковъ являются символическою цѣною каждаго раба безъ различія возраста, пола и достоинства,—стоитъ ли рабъ сто минъ или только одинъ динарій, ему одна цѣна—рабская, указанная въ Исх. 21, 32, именно тридцать сребренниковъ.

Наконецъ самъ Евангелистъ Матѳей ясно истолковываетъ тридцать сребренниковъ въ символическомъ значеніи *ничтожности* этой рабской цѣны, если далѣе (27, 7), при повѣствованіи о смерти Предателя, приводитъ параллель изъ Зах. 11, 12,—13, гдѣ эта сумма является рабски—ничтожною и достойною презрѣнія въ очахъ Бога оцѣнкою со стороны неблагодарнаго народа іудейскаго Его отеческихъ и пастырскихъ о немъ попеченіи. Купленный на деньги преданія участокъ земли, для погребенія странниковъ, подъ самымъ Іерусалимомъ, гдѣ земля не могла быть дешева въ то время, не противорѣчитъ нашему мнѣнію. Ничто не указываетъ на

¹⁾ Раздача Иродомъ предъ смертью по 50 драхмъ каждому воину (Jos. Antiq. XVII. 6. 5 Niese IV. p. 101 § 172) и стоимость сожженныхъ въ Ефесѣ (Дн. 19, 19) чародѣйскихъ книгъ въ 50,000 драхмъ не представляютъ ничего для опредѣленія цѣнности награды Іудинной.

то, что Акелдама куплена только за *Иудимы тридцать сребренниковъ*. Могла быть значительная къ нимъ прибавка ¹⁾).

Все такимъ образомъ даетъ видѣть, что въ этихъ тридцати сребренникахъ мы имѣемъ символическое указаніе на ничтожество и презрѣнное рабство „Цѣннаго“ ими. И эта символика могла имѣть двѣ стороны.

Достаточно самаго бѣглаго знакомства съ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ Мишны (трактаты отдѣла „Незикинъ“), выразительницы теоретическаго пониманія и практическаго примѣненія закона Моисеева у евреевъ новозавѣтнаго времени, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь все было сведено къ денежной оцѣнкѣ, всякое преступленіе — уголовное и гражданское, — всякій вредъ и обида — все переложено на селаймы, динарии, мины, сикли священные (Тирскіе) и простые и пр. Значеніе всякаго дѣянія, всякаго поступка, всякаго объекта права опредѣлено посредствомъ цифры денежныхъ единицъ. Съ исконныхъ временъ еврей—народъ денегъ и золота. Отсюда—какъ представленія такъ и способъ рѣчи еврея отличаются биржевымъ оттѣнкомъ. Посредствомъ денегъ и цѣнныхъ предметовъ выражается благоговѣніе религиозное, гражданское уваженіе, социальное и политическое положеніе, значеніе личности и пр. Глубоко искрененъ былъ смѣхъ фарисеевъ, этихъ такъ сказать увеличенныхъ въ воскрыліяхъ евреевъ, надъ словами Христа о невозможности совмѣстительства Богослуженія и Мамонослуженія (Лук. 16, 13—14): Мамона и Яегова для еврея сливались въ двуликій образъ одного Бога.

Естественно поэтому свое сочувствіе и благодарность предателю синедрионисты перевели на вѣсь сребренниковъ и рѣшили выдать Іудѣ денежную награду. Предатель былъ такой же еврей, и для него не представлялось никакой неловкости или чего либо неблагороднаго взять деньги за свою измѣну.

Но въ опредѣленіи размѣра награды могло сыграть важ-

¹⁾ Торговля поля на аукционѣ отъ 10-до 50 селаймовъ (Арахинъ VIII, 2 Переф. V. 300) конечно только примѣрна, а не означаетъ дѣйствительную стоимость, такъ какъ цѣны земли очень разнообразятся отъ мѣста (Акелдама близъ многолюдной столицы іудейской Иерусалима и поле гдѣ нибудь въ провинціи): это видно изъ IX. 2 Переф. 306, гдѣ продажныя цѣны поля выставлены уже совсѣмъ другія: мина и двѣсти минъ.

ную роль теологическое остроуміе какого нибудь высокоученѣйшаго синедріониста изъ раввиновъ. На эти вещи вѣдь они были превеликіе мастера. Талмудъ преисполненъ такими кундштюками, иногда совсѣмъ неожиданными и преудивительными. Какой нибудь остроумъ предложилъ выразить синедріонское опредѣленіе значимости предаваемого Лица посредствомъ тридцати сиклей, какъ опредѣленной въ Моисеевомъ законѣ цѣны раба (Исх. 21, 32), обращенной раввинскимъ правамъ въ символическо-рабскую цѣну, независимо отъ дѣйствительной стоимости цѣнимаго (Арах. Ш, 3 и Бава катта IV, 5 см. выше). Черезъ эту рабскую цѣну думали выразить презрѣніе къ ничтожному галилейскому Реформатору и отмстить за то, что Онъ дерзнулъ колебать неприкосновенный авторитетъ раввинской учености и отрицать власть архіерейскаго бюрократизма. Этотъ Назаретянинъ-Плотникъ—не учитель, не пророкъ, не мессія, а лжеучитель, лжепророкъ, лжемессія—рабъ: вотъ что говорилъ синедріонъ звономъ тридцати сребренниковъ. Теперь ли или же въ ночь взятія Христа, какъ видно безъ торговли, Іуда принялъ эти жалкіе гроши... Почему? Потому что это было слишкомъ въ національно-іудейскомъ духѣ. Потому что онъ раздѣлялъ въ то время презрѣніе синедріона къ Галилейскому Лжемессіи. Потому, наконецъ, что Предатель былъ всецѣло увлеченъ другою мыслию и мало думалъ о деньгахъ и обо всемъ, близко не соприкосавшемся съ этою мыслию. Причина таже, по коей онъ присутствуетъ съ видимымъ спокойствіемъ на тайной вечери, смѣло протягиваетъ ноги для умовенія Тому, Кого онъ уже предалъ,—участвуетъ въ Евхаристіи, спрашиваетъ: не я ли, Учитель,—лобзаетъ Преданнаго Учителя и привѣтствуетъ Его почтительно-ученическимъ: радуйся (здравствуй), Равви. Просто ему было теперь не до денегъ: онъ дѣйствуетъ какъ человѣкъ односторонне и властно увлеченный одною мыслию, что не дозволяетъ всесторонне и трезво обсуждать другія, не соприкасающіяся съ нею близко, обстоятельства. Это, какъ увидимъ, особенность характера Іуды. Во всякомъ случаѣ предатель взялъ поставленные синедріономъ тридцать сребренниковъ безъ возраженій, безъ колебаній, безъ торговли ¹⁾...

¹⁾ Объяснять ничтожность суммы и отсутствіе торгашества со стороны предателя тѣмъ, что архіерей и безъ Іуды взяли бы Христа (Газе стр. 233);

Но исторія, со строгостью неизмѣннаго закона и безпристрастнаго судьи, всегда осуждаетъ подобнаго рода мелочные уколы раздраженныхъ личностей и самалюбивыхъ спѣсей. Въ лицѣ Евангелиста (27, 7) Матѳея она нашла средство дать символикѣ тридцати сребренниковъ глубокой и общечеловѣческое значеніе. Уже древне-еврейскій пророкъ (Зах. 11, 12—13) поставилъ тридцать сребренниковъ символомъ неблагодарности и презрѣнія со стороны богоизбраннаго народа къ пастырско-отеческомъ попеченіямъ о немъ Іеговы: „и сказалъ имъ (Господь): если угодно вамъ, дайте Мнѣ плату Мою,—если же нѣтъ, не давайте: они отвѣсили Мнѣ въ уплату тридцать сребренниковъ: и сказалъ мнѣ (пророку) Господь: брось ихъ въ храмовое хранилище,—высокая цѣна, какою они оцѣнили Меня! и взялъ я тридцать сребренниковъ и бросилъ ихъ въ домъ Господень“.

Такъ неблагодарность богоизбраннаго народа платитъ Богу за отеческое попеченіе Его рабскою цѣною тридцати сребренниковъ. Такою же неблагодарностью отвѣтили Израиль въ лицѣ синедріона и на болѣе такъ сказать самоотверженный подвигъ боговоплощенія въ лицѣ Сына Божія, оцѣнивъ Его тою же рабскою цѣною въ тридцать сребренниковъ. Тридцать сребренниковъ за Бога, тридцать сребренниковъ за Богочеловѣка! Прежде у раввиновъ это была символическая цѣна раба, независимо отъ его дѣйствительной стоимости. Теперь Іуда сдѣлался типическимъ представителемъ всякаго предателя и тридцать сребренниковъ—символическою цѣною всякой измѣны. Теперешніе измѣнники носятъ другія имена (христіанскія) и получаютъ за измѣну другія цѣны—милліонныя.... Но всѣ они, всегда и справедливо будутъ прозываться Іудами, а на ихъ измѣнническихъ милліонахъ лежать невидимое, но неистребимое клеймо тридцати сребренниковъ. Іуда и тридцать сребренниковъ стали общечеловѣческимъ символомъ неблагодарностей и предательства всякаго рода.

Съ другой стороны эти сребренники для христіанъ служатъ символомъ идеальнаго совершенства. „Въ насъ, по слову

нелзя: этому противорѣчатъ боязнь архіеревъ предъ народнымъ волненіемъ и римскимъ прокураторамъ съ одной стороны и „обрадовались“—съ другой,—притомъ архіереи уже знали, какъ это совсѣмъ нелегко, по собственному опыту (Ін. 7, 32. 44 сл.).

Апостола (Филипп. 2, 5—11), должно быть то же настроеніе, что и во Христѣ Исусѣ: Онъ, въ образѣ Бога существуя, не хищеніемъ считалъ быть равнымъ Богу, но себя уничтожилъ, образъ раба принявъ, въ подобіи человѣческомъ бывъ и видомъ (состояніемъ) оказавшись какъ человѣкъ, унизилъ Себя, бывъ послушенъ до смерти, и смерти крестной: почему и Богъ Его превознесъ и даровалъ Ему имя выше всякаго имени, да о имени Исуса всякій родъ (существо) преклонится—небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ и всякій языкъ исповѣдаетъ, что Господь (есть) Исусъ Христосъ во славу Бога Отца“. Если для богоравнаго и сущаго въ образѣ Бога Сына Божія образъ раба и вочеловѣченіе съ рабскою оцѣнкою Его жизни или личности въ тридцать сребренниковъ были путемъ къ превознесенію до небесъ и божеской славы у людей, то и для послѣдователей Его этотъ „образъ раба“ и эти рабы „тридцать сребренниковъ“ Богочеловѣка нашего Спасителя Исуса Христа должны стоять предъ взоромъ какъ единственныя средства и показатели пути къ вершинѣ идеала—пріобщенію богочеловѣчества Христова, преобразованію изъ славы въ славу по образу Христа какъ отъ Господня Духа, возрожденію изъ плотяно-душевнаго въ духовнаго человѣка и восшествію отъ земли на небо, отъ страданій къ блаженству, отъ смерти къ жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Муретовъ.
